

«Разговоров из-за примуса никогда не было»: бытовой конфликт с политическим обвинением

Колчанова Юлия Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0009-0002-1892-0190. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Аннотация. В статье на основании архивных материалов – протоколов допроса, донесений осведомителей, решений судебных и внесудебных органов, дневниковых записей и протоколов партийных собраний – произведена реконструкция эпизода из жизни эвакуированных в 1941 г. Исследование выполнено на основе применения микроисторического метода. Целью статьи является детальный анализ бытового конфликта, завершившегося арестом и смертью одного из участников. В основе конфликта обнаруживается борьба за жилищную площадь между эвакуированными из Москвы снохой хозяев дома и подселенным к ним инженером. Чтобы его выселить, использовались разные средства: от бытовой травли до политической провокации. Высказывания инженера «брались на карандаш» и в виде донесений отправлялись в органы НКВД. Благодаря бдительности осведомителя «Кречета», стало возможным восстановить фрагменты потаенного общественного мнения, циркулировавшего в инженерных кругах в г. Молотове, обнаружить их непрямую зависимость от официальных органов информации, восстановить смысловые структуры городского дискурса. Инженер М. Н. Сандров, травмированный эвакуацией, не останавливающимся немецким наступлением, беспечным поведением горожан, попытался выяснить истоки трагедии. Он считал ответственными за нее руководителей Советского Союза и лично И. В. Сталина, неудачливых военачальников и отсутствие необходимой бдительности по отношению к скрытым врагам и саботажникам, подчеркивал свое недоверие к сводкам Совинформбюро. Причем, считал свои суждения вполне допустимыми и делился ими с малознакомыми людьми, не обращая внимания на их негативную реакцию. В результате был арестован органами НКВД по ст. 58-10 УК РСФСР и умер в тюрьме, так и не дождавшись приговора. Желание семьи – избавиться от надоедливой постоляльца – было удовлетворено.

Ключевые слова: 1941–1942, эвакуация, травма, инженер, репрессии.

В отечественной историографии антропологическое изучение эвакуации в годы Великой Отечественной войны фокусируется на рассмотрении конфликтных ситуаций между эвакуированным и местным населением [6; 27; 28; 30; 31]. Для их теоретического осмысления используется понятие культурного шока, в основе которого обнаруживается «взаимное отторжение и (или) неадекватная, рассогласованная идентификация, основу которой составляли фобии и мифы местного и приезжего населения» [30, с. 233], а также «взаимное непонимание, отягощенное постоянной борьбой за выживание, ожесточенными схватками за доступ к ограниченному ресурсам» [6, с. 288]. За рамками этих исследований остаются неизученными сюжеты, иллюстрирующие столкновения между самими эвакуированными.

На основании следственного дела, находящимся на хранении в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ), в статье производится реконструкция бытовой истории 1941 г. [13]. В протоколах допросов 1941–1942, 1956 гг. обнаруживаются ее фрагменты: называется место и участники конфликта, приводятся отрывки фраз из разговоров между ними, а также рассказ о проявлении бдительности. При работе с архивно-следственными материалами необходимо учитывать несколько важных обстоятельств, отличающих их от любых других исторических источников. Во-первых, речь идет об фактах, полученных в экстремальной обстановке – в кабинете сотрудника НКВД, где один допрашивал, а другой отвечал. Во-вторых, рассказ обвиняемого подчинялся сценарию следователя, который должен любым путем доказать вину подсудимого. В-третьих, показания свидетелей, в данном случае доносчиков, подтверждали вынужденно или добровольно обвинение со стороны следователя по статье 58 УК РСФСР. Бытовая сторона истории следователя не интересовала. Тем не менее в рамках так называемой «инквизиторской антропологии» можно выявить второстепенные и не значимые для уголовного дела подробности, детали и эпизоды, восстановить по ним пропущенные лакуны:

«Работа с материалами «инквизиторской антропологии» предполагает постоянную критику. Но если удастся выделить те нарративы, которые доносят до нас живую, непосредственную, аутентичную человеческую речь, даже произнесенную под принуждением, у историка появляется шанс заглянуть в те области социальной жизни, которые при иных обстоятельствах недоступны» [7, с. 209]. В качестве дополнительных источников в статье используются дневники А. И. Дмитриева – рабочего завода № 19 в г. Молотов [11].

Время действия: июль – октябрь 1941 г.

Место действия: г. Молотов (ныне Пермь) – областной центр на Западном Урале, расположенный в тысяче километров от линии фронта. С лета 1941 г. по февраль 1942 г. в Молотовскую область было эвакуировано 246,7 тыс. человек [22, с. 143]. Война изменила городскую среду, наполнив ее людьми из Москвы, Ленинграда, Белоруссии... А. И. Дмитриев в своем дневнике записал: «Наш город переполнен эвакуированными из разных городов. Живут даже в заводском велогазаге и клубе з[аво]да» [11, л. 35 об.].

Они отличались от местных жителей внешним видом, говором, манерой поведения. В этих людях из Москвы, из Одессы, из Витебска безошибочно распознавали чужих. Для простоты их всех называли «евреями». Секретарь обкома ВКП(б) Николай Иванович Гусаров убеждал партийный актив: они же не все плохие, такие же советские граждане: «Иногда из-за одной-двух барынь относятся ко всем эвакуированным неправильно» [24, л. 21].

В то время как в город эшелонами прибывали эвакуированные, из города на фронт одна за другой отправлялись маршевые роты. Комбриг Я. С. Адамсон, исполнявший обязанности начальника Молотовского гарнизона, «отправил на фронт 288 формирований (более 156 тыс. человек), в том числе 43 отд. лыжных батальона» [1].

По улицам после заводской смены нестройными рядами шагали народные ополченцы с деревянными ружьями на плече.

Начались проблемы со снабжением: в конце августа были введены карточки на хлеб. В городе появились так называемые «хвосты», полки магазинов опустели. На рынках крестьяне не принимали советские рубли. Горожанам приходилось не только стоять в очередях, но и обменивать свои вещи на продукты: «Крестьяне опять начали поступать так же, как и в 1918 г., т. е. ничего на деньги не продают, а только на что-нибудь меняют. Девчата при мне променяли 2 платы на картофель» [11, л. 45 об.]. Секретарь обкома ВКП(б) Николай Иванович Гусаров бил тревогу на пленуме областного комитета партии:

«Колхозники на деньги перестали продавать и просто нахально смотрит, облюбовывает твои штаны, рубаху и говорит – снимай штаны, тогда дам. Я слез с поезда на Григорьевской – вижу, продают молоко, спрашиваю – сколько за бутылку молока. Это Нытвенского района. Посмотрел – штаны хорошие, вроде, за бутылку не получит, и говорит – махорки осьмушку дай, тогда молоко получишь. Товарищи, это большое дело. Правда, оно смешно выглядит, но это на рабочем классе страшно отражается, и если Вы хотите знать, серьезная трещина, которую стараются враждебные элементы раздвинуть и влезть в эту трещину между рабочим классом и крестьянством» [24, л. 45–46].

В школьных зданиях на скорую руку оборудовали госпитали. К ним в грузовиках и на подводах от всех городских вокзалов везли и везли раненых. Мир горожан менялся на глазах. Тем не менее Государственный комитет обороны (ГКО) упрекал областные и городские власти в медлительности:

«Мне товарищ Сталин в последний раз при беседе сказал следующее: “Если бы Вас побомбили, тогда бы вы лучше работали. И если этого не сделают фашисты, мы зашлем их вас побомбить”» [24, л. 26].

Хотя на земле рыли щели, а наблюдатели из противовоздушной обороны часами всматривались в небо, город сумел избежать бомбардировок. Здесь не вели боевых действий, но все прочие тяготы войны легли на плечи горожан, разрушив их прежнюю повседневность. В военных условиях прежние домашние конфликты приобретали новое содержание.

Бытовая история, рассматриваемая в статье, происходила на протяжении нескольких месяцев в доме № 13 по улице Кирова в старом городском квартале недалеко от трамвайного депо. На сегодняшний день дом не сохранился, поэтому практически невозможно представить его описание: количество этажей, степень благоустройства. Об этом можно только догадываться.

Действующие лица. Михаил Никитич Сандров («Миша», «Михаил»), 1909 года рождения, уроженец Минской области БССР, беспартийный, со средним техническим образованием

(Московский электромеханический техникум); до эвакуации работал на заводе № 119 (г. Москва)¹, прибыл в г. Молотов самостоятельно 15 июля 1941 г. Спустя две недели устроился на завод № 19 инженером-технологом в цех № 34. Михаил Сандров по прибытии в г. Молотов по разнарядке эвакуационных властей был поселен в квартиру семьи В-ко. В свидетельских показаниях читаем: «Я припоминаю Михаила фамилию его забыл, который в начале Отечественной войны эвакуировался из Москвы и со своей женой проживал в одной из комнат нашей квартиры. Этот Михаил первое время нигде не работал, что меня в то время очень удивляло, ибо в начале войны везде не хватало рабочих и служащих. После Михаил устроился на работу на завод имени Сталина якобы мастером» [20, л. 179 об.].

Мария Степановна В-ко, 1910 г. р., член ВКП(б) с 1930 г., с высшим техническим образованием, до эвакуации проживала в Москве со своим мужем и двумя сыновьями, по профессии – инженер-механик, но в начале 1940-х гг. «нигде не работала в связи с малолетними детьми» [21, л. 201]. Летом 1941 г., в июле месяце 28 числа, была эвакуирована из столицы в г. Молотов, где также поселилась в квартире родителей мужа по улице Кирова в доме № 13.

Петр Борисович В-ко, 1885 г. р., уроженец Витебской губернии, беспартийный, с незавершенным высшим образованием, в начале войны работал на заводе № 10 им. Дзержинского по производству боеприпасов, преподавал в техникуме [2]. Свекор Марии Степановне.

Екатерина Алексеевна В-ко, 1896 г. р., уроженка г. Казани, беспартийная, со средним образованием, в 1941 г. работала заведующей делопроизводством Эвакогоспиталя № 1711². Свекровь Марии Степановне.

В конце июля 1941 г. все участники собрались в одном месте – в квартире № 15 в доме № 13 по улице Кирова. Мария Степановна В-ко вместе с сыновьями, спасаясь от бомбежек, эвакуировалась из столицы и переехала к родителям своего мужа 28 июля. Двумя неделями раньше в Молотов прибыл М. Н. Сандров вместе с женой, и по разнарядке городских властей они заселились в квартиру В-ко, заняв одну из комнат. Семья В-ко не могла отказать им под угрозой выселения из города в сельскую местность. Областное руководство было настроено решительно и не щадило чувств домохозяев, не желавших дать кров эвакуированным. Секретарь обкома ВКП(б) угрожал обывателям с партийным билетом: «У нас многие коммунисты настолько взвыли от уплотнения, настолько их задели мирную, тихую жизнь: “Как же, это на мою площадь вселяют, оставляют одну комнату” <...> Мы не будем останавливаться вплоть до того, что будем выселять в деревню, будем людей, не связанных с оборонной промышленностью, если не будут помогать расселению, выселять в сельскую местность» [24, л. 24–25].

Семья В-ко не смогла сохранить в неприкосновенности жилплощадь для своей столичной снохи. Две семьи были вынуждены тесниться в одной квартире, за неделю превратившуюся в коммуналку.

И хозяйева в самом начале повели себя по всем правилам коммунальных войн. Если они не могли Мишу выселить, надо было сделать так, чтобы он сам ушел. В первые дни ему запретили пользоваться собственным примусом в доме. На очной ставке с М. С. В-ко Сандров рассказал: «Мне было предложено Екатериной Алексеевной (мать свидетельницы) и самой Марией Степановной В-ко разжигать примус не на кухне, а в уборной» [22, л. 104]. Над ним откровенно издевались. Примус был кухонным прибором, по назначению чем-то сравнимым с нынешней микроволновкой. Чтобы не растапливать печь, в летние месяцы на нем готовили обеды и ужины. По сравнению с иными нагревательными приборами (керосинками, керогазами и пр.) примус был наиболее удобным, экономичным и безопасным: «Альтернативы же примусу как маленькому очагу на маленькой кухне не было еще лет 20» [4]. Примус организовывал кухонное пространство. На нем готовили, на соседнем столе ели. Отправить примус в сортир значило не больше не меньше, чем выгнать в отхожее место и его хозяев: там готовьте – там ешьте. Михаил ответил резким отказом, но из квартиры не ушел. Опыт коммунальной жизни у него был. Марья Степановна на очной ставке об этом эпизоде не обмолвилась: такого-де разговора вообще не было.

¹ Завод № 119 им. Г. М. Маленкова Наркомата оборонной промышленности в 1941 г. был расположен в Москве, производил авиашасси и амортизационные стойки, а также корпуса бомб и оболочки ручных гранат. В 1941 г. был эвакуирован в г. Горький [8].

² Эвакогоспиталь 1711, расположенный по ул. Пушкина, 107а, с 1942 г. специализировался «на лечении ампутированных» [29].

Вместе эти люди прожили около трех месяцев. Со временем, как почудилось Михаилу Сандрову, их отношения наладились. Во всяком случае, они ужинали вместе, пили чай под несмолкаемый говор прибывшего в эвакуацию инженера 119 завода. Михаил Сандров принадлежал к числу людей, совсем не умеющих и не желавших держать язык за зубами. На реакцию новых слушателей он не обращал никакого внимания, главное, что они были. Михаил говорил обо всем и вся: о войне, о заводе, о местных жителях, о себе. Он резонерствовал, критиковал, высказывался о своих чувствах, обнаруживал всякого рода неисправности и несправедливости, предлагал какие-то рецепты, чаще всего нелепые. Он вел себя точно так же на заводе и в стенах дома. То, что он бывает надоедливым, М. Сандров не замечал, тем более не замечал того, что критика всего и вся может выглядеть подозрительной (не провокатор ли он) или попросту опасной (не занимается ли он антисоветской агитацией). В любом случае следовало держаться от него подальше. А Сандров, как назло, часто оставался дома. В первые две недели отдел найма и увольнения завода № 19 вместе с военкоматом проверял его документы: не является ли он дезертиром. В соответствии с приказом начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса «На всех тех, о которых будет установлено, что, находясь в прифронтовой полосе, уклонились от мобилизации, или проявили трусость и дезертирство, немедленно оформлять материалы и предавать суду Военного трибунала. Райкомам ВКП(б) необходимо оказать практическую помощь военкоматам в проведении вышеизложенных мероприятий» [10, л. 54]. Но и позднее он часто оставался дома. Война разрушила хозяйственные связи; сырье, материалы, необходимые конструкции и детали поступали неритмично. Цеха останавливали, рабочих или отпускали по домам, или держали в производственных помещениях.

«Цех все еще не работает – нет бензина. В ночную смену все, почти поголовно, спят. Нач. цеха дает массовые увольнения и подмены. А ребята пользуются моментом и едут в деревни за продуктами» [11, л. 58].

Ночью рабочие спали, днем слонялись без дела по цеху, или в августе – сентябре грелись рядом на солнышке, играли в карты и домино, курили, пересказывали друг другу сводки информбюро (одна другую все тревожнее и тревожнее) и говорили о насущном: о перебоях с продуктами, задержках заработной платы, о том, где и когда останоят немца – и почему он прет и прет на восток, что делать и кто виноват, может быть, и евреи. Отголоски этих разговоров находим в дневнике А. И. Дмитриева: «Население в городе растет с каждым днем. А большинство все приезжают евреи. Это уж давно так ведется, что они всегда бегут первыми» [11, л. 31]. Из репродукторов звучали слова о вероломном нападении; навстречу им эхом доносились голоса: «Прошляпили». Осведомители записывали, передавали кураторам, затем эти слова попадали в сводки НКВД, в том числе для партийного руководства, а уже оттуда правильно политически интерпретированные, возвращались в партийную массу. Комсомолец Александр Дмитриев допускал возможность, что немцы придут в г. Молотов и готовился умереть в бою: «Даже если получится так, что до последнего момента меня не возьмут в армию, то я уже и при оккупации буду стараться уничтожать немцев. И тогда в конце концов смерть будет неизбежна» [11, л. 39]. Кто-то просто ждал немцев, а кому-то было все равно. «Некоторые считают, что у нас и так фашистов не любят. Это не верно» [24, л. 49].

Михаил Сандров работу на заводе себе нашел: «разрабатывал технологию обработки гильзы цилиндра на отечественных станках ЗНО-118 /токарный полуавтомат/ – прорезка ребер, на которых в СССР еще не применялась», был премирован, деньги отдал в фонд обороны [23, л. 150]. На заводе ему, однако, не нравилось все, больше всего люди. Завод № 19 по ведомственному профилю по всем показателям превосходил его прежний завод им. Г. М. Маленкова: и по производственным мощностям, и по оборудованию, и по продукции (изготавливать авиадвигатели для истребителей много сложнее, чем шасси для них), и по кадрам. Несмотря на это, М. Сандров обличал и сам завод, и заводские порядки, и работников:

«При наладке станков я чувствовал какую-то неприязнь к данным станкам со стороны мастеров цеха и меня это бесило, ибо всегда можно было услышать: ничего мол с них не выйдет. Мы мол с год с ними возились и ничего не получилось <...> Встречая такую неповоротливость и отсутствие быстроты в наладке, а также опаздывание на работу с обеда мастеров и других технических работников, меня это до безумия бесило» [23, л. 150]. В общем, «бесило» его все:

«Хожение по уборным самих рабочих и рассказывание там сказок во время курения меня бесило окончательно, курить, по-моему, можно и нужно только в обед. Ведь по рассказам ... на американских заводах рабочий работая на капиталиста, может курить только в обед, а работая на свою страну – он может курить и задерживаться в уборных во время работы и

уходит из уборной – места толкушки по собственному усмотрению. Отсутствие ответственности за содержание в должном порядке инструмента и приспособлений так же вызывало немалое возмущение. На мой вопрос у отдела оборудования: где опись имущества к станку 6-ти шпиндельному и где она хранится – был ответ опись потеряна /она пришла со станков/. На вопрос у механика цеха № 34, где шестерни сменные к станку; был ответ, ищи в этой куче, а куча – это несколько тонн металла всякой всячины. И здесь опять мое старое возмущение. Люди ни за что не хотят отвечать» [23, л. 150–150 об.].

М. Сандров возмущался заводскими порядками повсюду – и на предприятии, и на квартире. Он не знал, что все его гневные высказывания за вечерним чаем внимательно слушает штатный осведомитель под кличкой «Кречет», он же глава семейства В-ко, он же «источник», если воспользоваться терминологией НКВД.

В следственном деле сохранился меморандум «по делу-формуляру № 4254 на Сандрова Михаила Никитича». В нем содержатся три агентурных сообщения «источника» об антисоветской агитации Михаила Сандрова. Если ему верить, то инженер-технолог 34 цеха завода № 19 агитировал членов семьи прямо и непосредственно за общим кухонным столом, за стаканом чая. Первое донесение «Кречета» было датировано 16 августа 1941 г. В нем воспроизводится высказывание М. Сандрова о Сталине: «Сталин, заливаясь соловьем, все время напевал о бдительности, о мобилизационной готовности, о том, что нужно быть всегда наготове, чтобы дать отпор врагу, а с немцами прошляпил и теперь разговор идет о неожиданном вероломном нападении немцев на нас, а куда же девалась бдительность? <...> Недаром есть хорошая русская пословица: «Рыба всегда начинает вонять с головы». Так и здесь» [15, л. 69]. Свой гнев Сандров распространил и на советских военачальников: «...командование наше никуда не годится, и к сожалению нигде не найдешь теперь Минина и Пожарского, которые в свое время спасли Россию, а кто теперь спасет СССР?» [15, л. 69]. Во втором донесении «Кречета» от 30 августа 1941 г. речь идет о пораженческих настроениях эвакуированного: «Мы воюем голыми руками, у нас ни танков ни самолетов – кот наплакал. Поэтому мы и отступаем и не только отступаем, но и бежим, только пятки сверкают. Все сдаем и сдаем. Зачем еще пишут, что сдали город «Н» проще бы написать нужно было, что сдали город Николаев. Они думают, что никто не догадается что это за город и что его защита бутылками с бензином, гранаты ополчения против танков. А где наши танки? Где наши самолеты? Их нет. Реки за нас воют. Вот дошли до Днепра, здесь немного задержат, а потом опять немцы, форсировав реку, пойдут вперед» [15, л. 70]. В последнем донесении от 13 сентября 1941 г. «источник» разоблачил прогерманские симпатии советского инженера. Тот якобы ему сказал: «...а ведь откровенно говоря, немцы – самый культурный народ в мире», добавив, что не верит рассказам о немецких зверствах: «В первую империалистическую войну тоже писали о зверствах немцев, а на самом деле получилось не совсем так и массовых зверств не было» [15, л. 70].

Прошло два дня после отправки первого агентурного сообщения. Поздним вечером 18 августа 1941 г. Мария Степановна В-ко была вызвана на допрос в качестве свидетеля к следователю НКВД. В своих ответах она подтвердила основное содержание донесения «источника», точно указав даты разговоров с нежеланным квартирантом. Последний разговор с ним состоялся в день допроса. Неизвестно, сколько времени продолжался допрос. Но текст протокола получился большим. Можно предположить, что следователь и свидетель пользовались одними и теми же заготовками, полученными от осведомителя. В протоколе допроса обнаруживается три темы: ошибки советского правительства («...Германию мы снабжали продовольствием, а она в то время укреплялась, узнавала наши продовольственные ресурсы»), лживость сообщений Совинформбюро («Сейчас всем передаваемым сводкам по радио и в газетах от советского информбюро я не верю»), поражения Красной Армии («Буденный пропал, Кривой Рог и г. Николаев взяты немцами и армия Буденного отрезана...») [19, л. 165; 23, л. 162–164].

В свою очередь, ее свекровь Екатерина Алексеевна В-ко явно по инициативе своего мужа написала заявление на имя военного комиссара эвакогоспиталя № 1711:

«Тов. комиссар, у меня на квартиру поставили эвакуированную семью из гор. Москвы Сандровых. Он по приезде не работал недели две. Она работает в Наркомате угольной промышленности. Тов. Сандров Михаил Никитич производит на меня впечатление человека настроенного антисоветски. Я приведу его разговоры. В беседе с моим мужем Петром Борисовичем В-ко, Сандров говорил, что во время отечественной войны в 1812 г. народные массы потребовали смены Барклая де Толли, и царь поставил Кутузова, а попробуй теперь сказать,

что наши командующие никуда не годятся, “тебя туда загонят, куда Макар телят не гонял”. Затем в беседе с женой моего сына изволил выразиться так: “Наши правители в этой войне прошляпили и что есть русская хорошая пословица, что “рыба гниет с головы, а не с хвоста”...Затем еще говорил, что... “Сталин все время пел как соловей и призывал народ к бдительности и быть всегда наготове, а сам прошляпил”...И еще одна выдержка из его разговора:...”К сожалению нам сейчас негде найти таких людей, как Минин и Пожарский, которые могли бы спасти положение”... Судя по всем этим разговорам, человека надо проверить, что я Вас убедительно и прошу, и убрать от меня таких квартирантов, а дать честных людей, преданных государству и нашей партии. Муж мой заявлял в 1 отделение Сталинского завода, где он работает, я же в свою очередь прошу Вас расследовать и проверить тов. Сандрова» [9, л. 166]. Е. А. В-ко в заявлении высказала общее семейное намерение: «убрать от меня таких квартирантов».

Складывается впечатление, что в семье В-ко провоцировали нежелательного квартиранта вялыми и нелепыми возражениями, например: «и каждый боец Красной Армии являются примером как Минин и Пожарский» [19, л. 164 об.]. В ответ Сандров горячился и разоблачал себя как убежденного антисоветчика.

Можно предположить, что все политические обвинения семьи В-ко в адрес «товарища» Сандрова служили одной бытовой цели: избавиться от неудобного квартиранта и самим не попасть под репрессию. И у них это получилось. 13 октября 1941 г. Михаил Сандров был арестован органами НКВД, неоднократно допрошен, оставлен в следственной тюрьме № 1 г. Молотова до вынесения приговора Особым совещанием при НКВД СССР, где и умер 19 сентября 1942 г. [16, л. 47]. В тюрьме М. Н. Сандров ознакомился с обвинительным заключением 5 апреля 1942 г. и прочел в нем, что до ареста он «...вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию вождя ВКП(б), политики партии и советского правительства. Возводил клевету на маршалов Советского Союза и командование Красной Армии. Высказывал неверие сообщениям советского информбюро о действительном положении Красной Армии на фронтах Отечественной войны» [17, л. 139]³.

Михаил Сандров был реабилитирован 14 мая 1968 г. [постановление президиума л. 255]. За 12 лет до этого в 1956 г. КГБ при Совете министров СССР по Молотовской области проверил дело М. Сандрова и принял решение признать «предъявленное обвинение Сандрову М. Н. по ст. 58-10 ч. 2 считать правильным» [9, л. 230]. Реабилитации Сандрова в 1956 г. помешали повторные показания свидетелей обвинения членов семьи В-ко:

«Фамилию Сандров я в настоящее время не припоминаю. В период моего проживания в г. Молотове я знала гражданина по имени Миша, который вместе со своей семьей проживал в той же квартире, в которой проживала и я. Этот Михаил примерно в 1941 г. был арестован органами НКВД, и я по его делу давала показания на допросе и на очной ставке с указанным Михаилом <...> Конкретно за что был арестован Михаил, я не знаю, но на допросах я давала показания о фактах антисоветских пораженческих высказываний Михаила, которые мне были известны <...> Сейчас я все свои показания в отношении Михаила подтверждаю полностью» [21, л. 201–201 об.].

Подведем итоги. Травмированные войной люди Михаил Сандров и Мария В-ко, эвакуированные из Москвы в г. Молотов в июле 1941 г., встретились в одной квартире. Жить вместе у них не получилось. Этому есть объяснение: Михаил для семьи В-ко был человеком посторонним, к тому же раздражавшим их своей навязчивостью, гневливой болтовней о нравах на

³ Третий пункт обвинительного заключения о «неверии сообщениям советского информбюро» нуждается в комментировании. Действительно, М. Н. Сандров неоднократно говорил о том, что сводкам Информбюро он не доверяет. Так он демонстрировал свой интеллектуальный суверенитет, то есть право по-своему интерпретировать сведения, полученные из официальных источников, проверять их на достоверность, руководствуясь собственным опытом, заново структурировать и дополнять достоверными, на его взгляд, слухами, циркулирующими в заводском пространстве. Суверенитет был однако весьма и весьма ограниченным. Основные сведения он все равно получал из сводок Информбюро и газет. «Клевета на маршалов Советского Союза является эмоционально окрашенной рефлексией М. Н. Сандрова, связавшего в одно целое опубликованное на первой полосе во всех газетах постановление ГКО от 10 июля о назначении главнокомандующими направлений К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко и С. М. Буденного и сводок Информбюро о продолжающемся немецком наступлении» [26, с. 469–470]. В диссертации современного историка об этом решении ГКО читаем: «Да и сами главкомы оказались не на высоте: двое из трех – Ворошилов и Буденный не являлись современными полководцами» [25, с. 333].

заводе им. И. В. Сталина и критикой военного и партийного руководства страны. Не подозревая в хозяине дома штатного осведомителя органов НКВД, Михаил также не придавал значения неприязненному отношению к нему со стороны членов семьи В-ко. Доверчивость М. Сандрова и неумение разбираться в людях обернулись для него трагедией.

Представленный в статье казус из жизни в эвакуации позволяет обратить внимание на микроисторические сюжеты, из которых собирается мозаика повседневной жизни в экстремальных ситуациях. В частном конфликте проявляются смысловые структуры сознания советских людей 1940-х гг.

Список литературы

1. Адамсон Ян Симанович // Комбриги РККА 1935–1940 гг. URL: <https://www.nashapobeda.lv/4705.html> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Завод № 10 им. Ф. Э. Дзержинского НКБ. URL: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-6-160.html>. (дата обращения: 19.02.2023).
3. Завод № 119 НКОП. URL: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-101-150.html>. (дата обращения: 10.02.2023).
4. Колосов М. «Никого не трогаю, починаю примус». Как маленькая бензиновая плитка стала символом эпохи. Литературно-исторический экскурс от «Белгородских известий». URL: <https://www.belgpressa.ru/society/drugoe/40828.html#> (дата обращения: 26.03.2023).
5. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941 и 1942 гг. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 7–27.
6. Лейбович О. Л. Антисемитские настроения в советском тылу СССР во Второй мировой войне: Оккупация // Холокост. Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий, Л. Г. Новикова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 280–296.
7. Лейбович О. Л., Казанков А. И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 198–214.
8. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М. : Наука, 2006. 320 с.
9. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). В-ко Е. А. Заявление Военному комиссару эвакогоспиталя № 1711 от заведующей делопроизводством. Копия. Машинопись. Б/д.
10. ПермГАСПИ. Ф. 1241. Оп. 1. Д. 316. Л. 54. Денисов – Дежину. 12.09.1941 г.
11. ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 10. Дневник А. И. Дмитриева. 1941 г.
12. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 165. Дополнительный протокол допроса свидетеля Марии Степановны В-ко. 18 августа 1941 г.
13. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Журков Михаил Матвеевич, Сандров Михаил Никитич. 20.12.1941–23.03.1942 гг.
14. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 227–230. Заключение по архивно-следственному делу № 26645. г. Молотов. 27 декабря 1956 г.
15. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 69–70. Меморандум по делу – формуляр № 4254 на Сандрова Михаила Никитича.
16. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Наблюдательное дело Прокуратуры Молотовской области по делу Журкова М. М., Сандрова М. Н. 1942 г.
17. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 137–140. Обвинительное заключение по следственному делу № 1551. 5 апреля 1942 г.
18. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 255–255 об. Постановление Президиума Пермского областного суда. 14 мая 1968 г.
19. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 162–164 об. Протокол допроса свидетеля М. С. В-ко. 18 августа 1941 г.
20. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 179–182. Протокол допроса свидетеля П. Б. В-ко. 28 ноября 1956 г.
21. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 200–202. Протокол допроса свидетеля. М. С. В-ко. 18 декабря 1956 г.
22. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 104–107. Протокол очной ставки обвиняемому Сандрову М. Н. со свидетелем В-ко Марией Степановной. 6 марта 1942 г.
23. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11264. Л. 150–151. Собственноручные показания арестованного Сандрова Михаила Никитича от 25.11.1941 г.
24. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. 141 л. Стенограмма VI пленума Молотовского обкома. 20.10.1941 г.
25. Печенкин А. А. Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 662 с.
26. Постановление ГКО СССР «О преобразовании Ставки Главного Командования и назначении главнокомандующих войсками направлений». № ГОКО-83сс 10 июля 1941 г. // 1941 год : в 2 кн. Кн. 2 /

сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. акад. А. Н. Яковлева. М. : Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 469–470.

27. Потемкина М. Н. Эвакуанаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. 2005. № 2. С. 86–98.

28. Потемкина М. Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны : монография. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. 151 с.

29. Трудовой подвиг медицинских работников Пермской области в годы Великой Отечественной Войны. URL: <http://history.milportal.ru/trudovoj-podvig-meditsinskih-rabotnikov-permskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-voyny/> (дата обращения: 03.03.2023).

30. Чашухин А. В. Эвакуированные или депортированные? Образы чужаков и стратегии повседневности в отчетах партийных руководителей Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия: История. Вып. 1 (28). 2015. С. 228–235.

31. Янковская Г. Эвакуация, или диалог поневоле // Родина. 2004. № 6. С. 20–23.

"There has never been any talk about primus": a domestic conflict with a political accusation

Kolchanova Yulia Sergeevna

PhD on Historical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0009-0002-1892-0190. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Abstract. In the article, based on archival materials – interrogation protocols, reports of informants, decisions of judicial and extrajudicial bodies, diary entries and minutes of party meetings – a reconstruction of an episode from the life of evacuees in 1941 was made. The study was carried out on the basis of the application of the microhistoric method. The purpose of the article is a detailed analysis of the domestic conflict that ended with the arrest and death of one of the participants. The conflict is based on the struggle for housing space between the daughter-in-law of the owners of the house evacuated from Moscow and the engineer who moved in with them. To evict him, various means were used: from domestic harassment to political provocation. The engineer's statements were "taken on a pencil" and sent to the NKVD bodies in the form of reports. Thanks to the vigilance of the "Gyrfalcon" informant, it became possible to restore fragments of secret public opinion that circulated in engineering circles in Molotov, to detect their indirect dependence on official information bodies, to restore the semantic structures of urban discourse. Engineer M. N. Sandrov, traumatized by the evacuation, the non-stopping German offensive, the careless behavior of the townspeople, tried to find out the origins of the tragedy. He considered the leaders of the Soviet Union and personally I. V. Stalin responsible for it, unsuccessful military leaders and the lack of necessary vigilance against hidden enemies and saboteurs, emphasized his distrust of the reports of the Sovinformburo. Moreover, he considered his judgments quite acceptable and shared them with unfamiliar people, not paying attention to their negative reaction. As a result, he was arrested by the NKVD under art. 58-10 of the Criminal Code of the RSFSR and died in prison without waiting for the verdict. The family's desire to get rid of the annoying guest was satisfied.

Keywords: 1941–1942, evacuation, trauma, engineer, repression.

References

1. Adamson Yan Simanovich – Adamson Yan Simanovich // *Kombrig RKKK 1935–1940 gg.* – The brigade commanders of the Red Army 1935–1940. Available at: <https://www.nashapobeda.lv/4705.html> (date accessed: 05.09.2022).

2. Plant No. 10 n. a. F. E. Dzerzhinsky NKB. Available at: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-6-160.html>. (date accessed: 19.02.2023).

3. Plant No. 119 NKOP. Available at: <https://oboron-prom.ru/page,21,predpriyatiya-101-150.html>. (date accessed: 10.02.2023).

4. Kolosov M. "Nikogo ne trogayu, pochinyayu primus". *Kak malen'kaya benzinovaya plitka stala simbolom epohi. Literaturno-istoricheskij ekskurs ot "Belgorodskih izvestij"* ["I don't touch anyone, I fix the primus." How a small gasoline tile became a symbol of the era. Literary and historical excursion from the "Belgorod news"]. Available at: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/40828.html#> (date accessed: 26.03.2023).

5. Kumanev G. A. *Vojna i evakuaciya v SSSR. 1941 i 1942 gg.* [War and evacuation in the USSR. 1941 and 1942] // *Otechestvennaya istoriya – Russian History*. 2006. No. 6. Pp. 7–27.

6. Leibovich O. L. *Antisemiticheskie nastroyeniya v sovetskom tylu SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne: Okkupaciya* [Anti-Semitic sentiments in the Soviet rear of the USSR in the Second World War: Occupation] // *Holokost. Stalinizm – The Holocaust. Stalinism* / ed. and comp. O. V. Budnitsky, L. G. Novikova. M. ROSSPEN. 2014. Pp. 280–296.

7. Lejbovich O. L., Kazankov A. I. "Inkvizitorskaya antropologiya" kak generator istoricheskikh narrativov sovetsoj epohi ["Inquisitorial anthropology" as a generator of historical narratives of the Soviet era] // *Shagi/Steps – Steps/Steps*. 2022. Vol. 8. No. 3. Pp. 198–214.

8. Muhin M. Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [Aviation industry of the USSR in 1921–1941]. M. Nauka (Science). 2006. 320 p.

9. Perm State Archive of Socio-Political History (PermSASPH). V-ko E. A. Statement to the Military Commissar of the evacuation Hospital No. 1711 from the head of office management. Copy. Typescript. Without date.

10. PermSASPH. F. 1241. Inv. 1. File 316. L. 54. Denisov – Dezhin. 12.09.1941

11. PermSASPH. F. 6330. Inv. 5. File 10. *Dnevnik A. I. Dmitrieva* – Diary of A. I. Dmitriev. 1941.

12. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. L. 165. *Dopolnitel'nyj protokol doprosa svidetelya Marii Stepanovny V-ko* – Additional protocol of the interrogation of witness Maria Stepanovna V-ko. August 18, 1941.

13. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. *Zhurkov Mihail Matveevich, Sandrov Mihail Nikitich* – Zhurkov Mikhail Matveevich, Sandrov Mikhail Nikitich. 20.12.1941–23.03.1942.

14. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 227–230. *Zaklyuchenie po arhivno-sledstvennomu delu № 26645* – Conclusion on the archival and investigative case No. 26645. Molotov. December 27, 1956.

15. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 69–70. *Memorandum po delu – formulyar № 4254 na Sandrova Mihaila Nikiticha* – Memorandum on the case – form No. 4254 on Mikhail Nikitich Sandrov.

16. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. *Nablyudatel'noe delo Prokuratury Molotovskoj oblasti po delu Zhurkova M. M., Sandrova M. N.* – The supervisory case of the Prosecutor's Office of the Molotov region in the case of Zhurkov M. M., Sandrova M. N. 1942.

17. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 137–140. *Obvinitel'noe zaklyuchenie po sledstvennomu delu № 1551* – Indictment in the investigative case No. 1551. April 5, 1942.

18. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 255–255 turn. *Postanovlenie Prezidiuma Permskogo oblastnogo suda* – Resolution of the Presidium of the Perm Regional Court. May 14, 1968.

19. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 162–164 turn. *Protokol doprosa svidetelya M. S. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness M. S. V-ko. August 18, 1941.

20. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 179–182. *Protokol doprosa svidetelya P. B. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness P. B. V-ko. November 28, 1956.

21. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 200–202. *Protokol doprosa svidetelya. M. S. V-ko* – The protocol of the interrogation of the witness. M. S. V-co. December 18, 1956.

22. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 104–107. *Protokol ochnoj stavki obvinyaemomu Sandrovu M. N. so svidetelem V-ko Mariej Stepanovno* – The protocol of the confrontation with the accused Sandrov M. N. with the witness V-ko Maria Stepanovna. March 6, 1942.

23. PermSASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 11264. Sh. 150–151. *Sobstvennoruchnye pokazaniya arestovannogo Sandrova Mihaila Nikiticha ot 25.11.1941 g.* – The handwritten testimony of the arrested Sandrov Mikhail Nikitich dated 25.11.1941.

24. PermSASPH. F. 105. Inv. 7. File 10. 141 sh. *Stenogramma VI plenuma Molotovskogo obkoma* – Transcript of the VI plenum of the Molotov Regional Committee. 20.10.1941.

25. Pechenkin A. A. *Vysshij komandnyj sostav Krasnoj Armii nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny : diss. ... d-ra ist. nauk* [The supreme command structure of the Red Army on the eve and during the Second World War : diss. ... Dr. Histor. Sciences]. M. 2003. 662 p.

26. *Postanovlenie GKO SSSR "O preobrazovanii Stavki Glavnogo Komandovaniya i naznachenii glavnokomanduyushchih vojskami napravlenij". № GOKO-83ss 10 iyulya 1941 g.* – Resolution of the GKO of the USSR "On the transformation of the Headquarters of the Main Command and the appointment of the commanders-in-chief of the directions of the troops". No. GOKO-83ss July 10, 1941 // 1941 : in 2 books. Book 2 / comp. L. E. Reshin et al.; ed. by V. P. Naumov; introd. art. by akad. A. N. Yakovleva. M. International Fund "Democracy". 1998. Pp. 469–470.

27. Potemkina M. N. *Evakonaselenie v ural'skom tylu: opyt vyzhivaniya* [Evacuation in the Ural rear: the experience of survival] // *Otechestvennaya istoriya* – Domestic history. 2005. No. 2. Pp. 86–98.

28. Potemkina M. N. "Vykovyrennye": *lichnostnoe vospriyatie evakuacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny : monografiya* ["Dug out": personal perception of evacuation during the Great Patriotic War : monograph]. Magnitogorsk. Publishing house of Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov. 2016. 151 p.

29. *Trudovoj podvig medicinskih rabotnikov Permskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj Vojny* – Labor feat of medical workers of the Perm region during the Great Patriotic War. Available at: <http://history.milportal.ru/trudovoj-podvig-mediceskix-rabotnikov-permskoj-oblasti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (date accessed: 03.03.2023).

30. Chashchuhin A. V. *Evakuirovannye ili deportirovannye? Obrazy chuzhakov i strategii povsednevnosti v otchetah partijnyh rukovoditelej Prikam'ya* [Evacuated or deported? Images of outsiders and strategies of everyday life in the reports of party leaders of the Kama region] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* – Herald of Perm University. Series: History. Is. 1 (28). 2015. Pp. 228–235.

31. Yankovskaya G. *Evakuaciya, ili dialog ponevole* [Evacuation, or dialogue involuntarily] // *Rodina* – Motherland. 2004. No. 6. Pp. 20–23.